РОГАТЫЙ НЕПРІЯТЕЛЬ.

Въ 1827 году, по смутамъ въ Греціи, по своевольству Турокъ, Русская, Англійская и Французская эскадры были въ Средиземномъ морѣ. Чтобы понудить къ объясненію Ибрагима–Пашу, который занялъ Греческій городъ Наваринъ и рѣзалъ Грековъ, вошли въ Наваринскую гавань соединенныя эскадры, подъ главнымъ начальствомъ Англійскаго Адмирала. У насъ флагманомъ былъ Адмиралъ Графъ Гейденъ. Въ гавани стоялъ, кружаломъ или подковой, Турецко–Египетскій флотъ, подъ началомъ Тагиръ–Паши, всего малыхъ и большихъ до 90 судовъ; а въ соединенныхъ эскадрахъ 10 линѣйныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 2 корвета, 1 бригъ, 2 шкуны, 2 тендера, итого 27. Турки, не говоря худаго слова, пустили первое ядро: только и видѣли они бѣлый свѣтъ; весь флотъ ихъ положили лоскомъ. Сами накликали на себя бѣду. Три эскадры стали на якорь подковой же, внутри Турецкаго флота, и въ одинъ мигъ

свѣтъ затмился дымомъ, зимли и воды дрогнули отъ пушечной пальбы. Одинъ за другимъ полетѣли на воздухъ Турецкіе и Египетскіе корабли — только этимъ огнемъ и освѣщалась тьма кромѣшная, потому что отъ дыму день сталъ ночью.

Но Наваринскую битву опишемъ мы по себѣ, въ другомъ мѣстѣ; дѣло это рѣшило судьбу бѣдныхъ Грековъ: тяжело лежала на нихъ Турецкая рука — да какъ ни сжимала кулакъ, а распустила пальцы и дала Грекамъ свободу.

Были и мы Русскіе когда–то подъ властію Татаръ (годовъ тому 400); но когда встряхнулись, да скинувъ ихъ съ шеи, потоптали ногами, то были у насъ свои же Великіе Князья. Они народъ Русскій и собрали и повели на Татаръ; они же и правили имъ послѣ, изъ нихъ же вышли Цари наши и Государи. Но Грекамъ изъ своихъ некого было надъ собою поставить: у нихъ никого Царской или Великокняжеской крови не было. По этому дали имъ въ Правители Русскаго вельможу, родомъ изъ Грековъ; онъ ими и правилъ.

Эскадра наша ушла домой, а остался одинъ фрегатъ и три брига, подъ началомъ Адмирала Петра Ивановича Рикорда.

Между тѣмъ у Грековъ пошла разноголосица, неурядица, стали ходить бунтовщики и разбойники большими шайками — и, наконецъ, убили своего Правителя. И пошла кутерьма.

Въ это самое время наша эскадра пришла въ Грецію. Грабежъ и разбой по всему Государству, а начальства нѣтъ. Въ 1832 году сильная шайка бунтовщиковъ стала подступать подъ главный портовой городъ, Наполи–ди–Романія; вотъ Русскіе съ Англичанами и Французами и высадили десантъ и заняли всѣ караулы въ городѣ и въ крѣпости, вмѣстѣ съ Греками.

Все это не сказка, а присказка; вотъ теперь только добрались мы до того случая, о которомъ хотѣлъ я расказать, о матросѣ Морозовѣ.

Нашъ матросъ Морозовъ, по занятіи Навпліи, стоялъ на часахъ, рядомъ съ Греческимъ часовымъ, на мосту. Откуда ни возмись бѣшеный быкъ, сорвавшійся съ

бойни, и летитъ вдоль по улицѣ, задравъ хвостъ: глаза налились кровью, самъ реветъ, землю роетъ.... Съ эдакимъ быкомъ шутка плоха; на кого ни налетитъ, черезъ себя перемахнетъ, и конецъ. Народъ передъ нимъ разсыпается, старый за малаго хоронится; набѣжалъ быкъ ближе — Греческаго часоваго какъ не бывало, ушелъ подъ мостъ. Морозовъ стоитъ, съ притина своего сойти не смѣетъ; а что и того хуже, — ружье заряжено пулей, да онъ стрѣлять не смѣетъ: сказано безъ приказанія не стрѣлять, беречь пулю про крайній случай. Морозовъ стоитъ сердечный — а быкъ, закрутивъ головой да промычавъ, прямо на него..... Морозовъ кинулъ ружье на руку и пошелъ на рогатаго непріятеля въ штыки; мудреное дѣло, скажете, да за смѣлаго Богъ. Быкъ только что подскочивъ намахнулся отъ земли рогами, чтобъ смѣнить нашего Морозова на вѣкъ съ часовъ — анъ этотъ всадилъ ему штыкъ промежъ роговъ въ самую становую жилу — и духъ вонъ.

Вотъ дивились богатырю, такъ дивились! И Греки сбѣжались, и Французы и Англичане нарочно пріѣзжали на фрегатъ нашъ, чтобъ полюбоваться на него. Государь пожаловалъ Морозова ста рублями, а изогнутый штыкъ его хранили для памяти, при экипажѣ.*

* Этотъ штыкъ находится теперь въ арсеналѣ Его Императорскаго Высочества Генералъ–Адмирала.